

ЯЗЫК • СЕМИОТИКА • КУЛЬТУРА

Е. В. Падучева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семантика времени и вида
в русском языке

*

Семантика нарратива

*Второе издание,
исправленное и дополненное*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1

ББК 81.031

П 16

Падучева Е. В.

П 16 Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0431-7

Изучаются возможности описания русского вида и времени с использованием понятия точки отсчета, противопоставленной моменту речи. Вводится понятие эгоцентрического элемента, которое позволяет представить пространственно-временной дейксис и субъективную модальность как единую область, подлежащую ведению лингвистической прагматики. Сравниваются речевой и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов. Предлагается лингвистически обоснованная типология повествовательных форм, базирующаяся на противопоставлении первичных и вторичных эгоцентриков.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0431-7

© Е. В. Падучева, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящая книга состоит из двух частей. Часть I посвящена грамматической семантике: в ней объединены в одно целое работы автора по русской аспектологии и семантике времени, писавшиеся на протяжении более десятка лет. Это исследование пока не может считаться завершенным: если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание семантики вида требует широкомасштабного изучения лексической семантики глагола, которое нельзя завершить в обозримом будущем. Одна из задач данной работы состояла в том, чтобы изложить теоретические предпосылки будущих лексикографических исследований.

Хочется назвать несколько наиболее ярких событий и имен, которые послужили стимулирующими импульсами для нашей работы в области аспектологии.

Первым стимулом явилось введенное Г. Рейхенбахом — и ставшее сейчас широко популярным — понятие точки отсчета, которое использовалось при описании семантики перфектных временных форм разных языков, но не было опробовано на русском материале. Оказалось, что это понятие с успехом применимо к русскому виду. Более того, абстрактному и не вполне однозначному рейхенбаховскому понятию точки отсчета оказалось возможно приписать прагматически конкретную интерпретацию, связав точку отсчета с фигурой наблюдателя, которая была обоснована, независимым образом, в работе Ю. Д. Апресяна (1986а), посвященной дейксису.

Другим важным фактором, на долгие годы определившим развитие русской аспектологии, явилась, конечно, работа Ю. С. Маслова (Маслов 1948), в которой был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола и намечена семантическая классификация глаголов, позволяющая делать семантические предсказания о неполноте видовой парадигмы глагола (т. е. об отсутствии форм противоположного вида), а также о функциональной неполноте парадигмы — отсутствии тех или иных частновидовых значений. Тем самым в русистике были заложены — задолго до появившейся в 1967 году влиятельной работы Вендлера — основы глагольной таксономии, определяющей взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности.

Метод толкований, которым широко пользуется современная семантика, как лексическая, так и грамматическая, был впервые блистательно применен к описанию семантики глагольного вида Анной Вежбицкой в 1967 году. Можно только удивляться, что из всех грамматических категорий именно вид, с его запатентованной сложностью, послужил первым полигоном для отлаживания техники толкования грамматических значений¹.

Наконец, последним из "краеугольных камней", на которых основывается предлагаемая концепция семантики времени и вида, является введенное Бенвенистом разграничение двух планов употребления языка — плана речи (*plan de discours*) и плана повествования (*plan de récit*). Это разграничение позволяет выявить функциональные различия в употреблении видо-временных форм, обусловленные типом коммуникативной ситуации. Отсюда переход от собственно лингвистической проблематики к теории нарратива, которой посвящена II часть книги.

Работы, составившие часть I, в основном, публиковались ранее (каждая глава снабжена библиографическим примечанием, в котором оговаривается ее соотношение с первой публикацией). При перепечатке была внесена небольшая редакционная правка, устранены некоторые наиболее очевидные повторы. Полностью устранить повторения все-таки не удалось — работы тематически связаны друг с другом, но были написаны в свое время как независимые одна от другой. Повторяются из главы в главу некоторые примеры — это сделано сознательно, в тех случаях, когда пример иллюстрирует какой-то один и тот же аспект проблемы.

Главы 1–5 части I посвящены проблеме инварианта частных видовых значений, т. е. синтагматике вида: употребление видовой формы в разных контекстах, с упором на обусловленность значения контекстом с целью выявления инварианта, независимого от контекста. Главы 6–10 развивают масловскую проблематику — вид и лексика: варьирование основного значения сов. и несов. вида, обусловленное лексическим значением глагола. Задача этих глав — утвердить в правах понятие таксономической категории, которое, на наш взгляд играет такую же важную роль в семантике, как часть речи — в грамматике. В двух последних главах намечается выход за пределы видовой формы — видовое противопоставление рассматривается в контексте предложения, в плане сочетаемости видо-временной формы с показателями времени (глава 11) и количества (глава 12)².

Напротив, часть II не является собранием статей, а написана, как целое, в относительно короткий срок. Основные положения, которые легли в основу части II, были изложены ранее в статьях Падучева 1989б, Падучева 1991а, Падучева 1993. Некоторые разделы, впрочем, основываются на материале, опубликованном ранее. В главе II.2 используется материал моно-

¹ В дальнейшем описание семантики видовых форм методом толкований было продолжено в работе Гловинская 1982.

² В книге принят следующий способ отсылок к ее частям, главам и разделам. Главой II.5 называется глава 5 части II; при отсылке к другой главе той же части номер части обычно не указывается. Разделом 5.3 называется раздел 3 главы 5; при отсылке к разделу внутри главы не указывается номер главы.

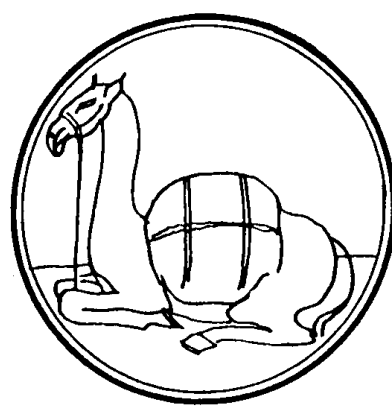
графии Падучева 1985а, в разделе 7 этой главы — статья Падучева 1983, а также написанные автором разделы из предисловия к сборнику "Новое в зарубежной лингвистике", вып. XVI. Разделы 1–3 главы II.5 представляют собой переработанный вариант статьи Падучева 1990. Глава II.6 написана в соавторстве с Анной А. Зализняк, см. нашу публикацию Зализняк, Падучева 1987.

Автор благодарен членам семинара на Кафедре славянских языков и литератур Берклийского университета Калифорнии (весна 1994 года) за участие в обсуждении проблем лингвистики повествовательных форм, а также профессору Алану Тимберлейку, который подал автору идею этого семинара. Искренняя благодарность — моему учителю Вячеславу Всеволодовичу Иванову, без которого работа о семантике нарратива не была бы и начата.

Автор пользуется также случаем выразить благодарность своим коллегам и помощникам — Нине Манашировне Якубовой за помощь в редактировании I части книги и Ольге Николаевне Ляшевской за участие в компьютерном наборе и за составление указателя. Неоценимую помощь автору в работе над книгой оказал Сергей Александрович Крылов — ее первый читатель, сочувственный критик и редактор. Он предложил ряд литературных примеров и дал ценные библиографические справки.

Часть I

СЕМАНТИКА ВРЕМЕНИ И ВИДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Глава 1

СЕМАНТИКА ВИДА И ТОЧКА ОТСЧЕТА*

1. В поисках инварианта видового значения

В семантике славянского вида, которая была заманчивой загадкой для многих поколений лингвистов (см. Виноградов 1947 с обширной библиографией), в последние годы был достигнут значительный успех по двум направлениям. Одно из них, начатое еще работой Ю. С. Маслова (1948), связано с осознанием принципиальной обусловленности грамматического значения вида лексической семантикой глагола; другое — с применением к описанию грамматических единиц метода толкований (впервые использованного при описании славянского вида в 1967 году Анной Вежбицкой, см. Wierzbicka 1967): толкования позволяют исчерпывающим образом охарактеризовать вклад граммемы вида в смысл предложения.

Описание семантики видовых противопоставлений русского глагола методом толкований — в работах Ю. Д. Апресяна (1980а, 1985б) и в особенности М. Я. Гловинской (1982, 1983) — дало возможность:

- получить более полный набор так называемых частных видовых значений каждой из видовых граммем;
- обнаружить необычайное разнообразие содержания видовых противопоставлений в разных лексических классах глаголов и зафиксировать большое число таких аспектуально значимых лексических классов.

Описание семантики языковых единиц (как граммем, так и лексем или синтаксических конструкций) методом толкований при всех его преимуществах имеет, однако, одно нежелательное последствие: изолированное толкование каждого отдельного значения, в том числе и контекстно обусловленного, приводит к тому, что значение единицы, которое до начала анализа интуитивно воспринималось как "одно и то же", превращается в список различных. Разумеется, можно сказать, что до выявления всех

* Опубликовано в: Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка, т. 45, 1986, № 5.

подлинных значений наше наивное представление о единстве значения было просто неверным. Было бы лучше, однако, если бы удалось после установления множественности значений все-таки показать, на чем основывалось представление о его единстве. Ставится задача вернуть единство значения граммеме несовершенного вида (НСВ).

Известны два способа восстановления единства языковой единицы, утрачиваемого при семантическом анализе, — выявление смыслового инварианта по Р. Якобсону и выделение первичного, основного значения (с указанием условий его превращения во вторичные, производные) по Е. Куриловичу. В данном случае, как оказывается, эти способы почти эквивалентны: основное значение НСВ присутствует в качестве инвариантного компонента во всех других "частных" значениях.

Ниже следует суммарный перечень частных видовых значений НСВ (по работам Гловинская 1982, Бондарко, Буланин 1967, Рассудова 1968, Маслов 1984, Forsyth 1970; многие примеры взяты из указанных работ).

Группа I. 1. Актуально-длительное (действие, процесс или состояние длится в момент наблюдения; в Бондарко, Буланин 1967 это значение называется конкретно-процессным): *Однажды летним утром они подходили к проходной; Не мешай, я работаю.*

2. Континуальное (т. е. длящееся, но не актуально длящееся): *Она работает в университете; Иван выращивает новый сорт пшеницы.*

3. Постоянно-непрерывное (глагол НСВ обозначает постоянное свойство или соотношение): *Окна гостиницы выходят на юг.*

Группа II. 1. Узуальное (значение узуально повторяющегося действия или события): *Каждое утро он открывает окно.*

2. Потенциальное: *Хороший был слесарь: любые замки открывал.*

3. Многократное (но не узуальное и не потенциальное): *Зачем ты каждую минуту открывал окно?; Я два раза открывал окно.*

Группа III. 1. Общефактическое неопределенное (значение прекратившегося состояния или неопределенного процесса): *Где мои ключи? Они лежали на столе.*

2. Общефактическое результативное (действие достигло предела): *Я их однажды на Фонтанку подвозил; Я вас предупреждал; Он показывал мне ее фотографию.*

3. Общефактическое двунаправленное (результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием): *К тебе кто-то приходил (= 'пришел и ушел'); Ты открывал окно?*

4. Общефактическое нерезультативное (действие не достигло предела): *Я умолял ее вернуться; Я много раз его уговаривал.* Ср. значение безуспешной попытки у НСВ объяснял в контексте *Объяснял, да не объяснил.*

5. Дуративное (в контексте обстоятельства длительности, см. Timberlake 1985a): *Они гуляли всю ночь.*

Можно показать, что все перечисленные значения производны от первичного, актуально-длительного, в следующем смысле слова "производность". Каждое из частных значений НСВ требует для своей реализа-